

Слово,

сказанное на литургіи вмѣсто запричастнаго стиха.

„Скажи ми, Господи, кончину мою и число дней моихъ кое есть“? (Ис. 38, 5).

Неисповѣдимы пути Господни! Еще такъ недавно мы видѣли нашего незабвеннаго наставника въ стѣнахъ родной намъ Академіи, въ добромъ, какъ всегда, казалось, здоровьи; еще недавно часть изъ насъ внимала его рѣчамъ, въ которыхъ, какъ всегда, живо и интересно раскрывались глубокія, возвышенныя истины науки... Никому и на мысль не могло прійти, что это были послѣдніе дни его жизни съ нами, что кончина его приближалась. И вотъ, нынѣ онъ опять предсталъ нашему взору, но уже не такимъ, каковъ былъ прежде. „Вси тѣлесніи органи нынѣ празды зрятся, иже прежде мала подвижими бяху, вси недѣйствительни, мертви, нечувствени: очи бо заидоша, связастся нозѣ, руцѣ безмолствуютъ и слухъ съ ними: языкъ молчаніемъ заключися, гробу предается“... (Стихира. Чинъ погребенія). Мы опять видимъ его въ родномъ всѣмъ намъ св. храмѣ, подъ сѣнію коего въ шкодѣ высшаго вѣдѣнія богословскаго онъ трудился всю свою жизнь во славу Божию, на благо матери Церкви, но видимъ уже „на земли поверженнаго, по образу нашему все благолѣпіе отлагающа“. Мы опять, какъ нѣ-

когда, собрались вокругъ него, но уже безгласнаго, бездыханнаго, уже не слышимъ изъ его устъ слова наученія и наставленія.

Какъ скоро! Какъ внезапно! Подлинно дни человѣческіе подобны травѣ, которая *„утро процвѣтетъ и прейдетъ: на вечеръ отпадетъ, ожестѣетъ и изсхнетъ“* (Пс. 89, 6). Воочію исполняется слово Псалмопѣвца, что *„человѣкъ... яко цвѣтъ селѣный, тако оцвѣтетъ: яко духъ пройде въ немъ, и не будетъ, и не познаетъ кому мѣста своего“* (Пс. 102, 15—16)... Жизнь цвѣтка полевого намъ кажется мимолетной и внезапнымъ—прекращеніе ея. Но не то же ли самое—жизнь человѣческая? Не такъ ли незамѣтенъ и въ ней переходъ отъ утра полнаго расцвѣта силъ, духовной бодрости, тѣлеснаго здоровья къ вечернему закату дней, когда ветшаетъ, разрушается земная храмина нашего духа? Не вѣтру ли сметающему полевую былинку подобно это дыханіе смерти? Пройдетъ оно надъ человѣкомъ, и нѣтъ послѣдняго, и мѣсто его уже не узнаетъ его (срав. Іов. 7, 10). Такъ внезапно день жизни у нашего дорогого наставника склонился къ вечеру, когда „страшный часъ смертный“ положилъ конецъ всѣмъ его трудамъ, всѣмъ помысламъ, заботамъ, ожиданіямъ и надеждамъ.

Скорбь о почившемъ невольно соединяется съ мыслью о томъ, что и всѣмъ намъ, братіе христіане, премудростью Божіею предопредѣлено разлучиться съ этимъ міромъ и переселиться въ другой міръ—невѣдомый. Горестъ неожиданной утраты невольно заставляеть вспомнить часто забываемый *„завѣтъ отъ вѣка: смертію улрени“* (Сир. 14, 18; ср. Быт. 2, 17). Но вмѣстѣ съ тѣмъ самъ собою является и вопросъ: когда же?... когда придетъ къ намъ это посѣщеніе Божіе? Гдѣ тотъ предѣлъ, какому назначено прервать нашу земную жизнь?... Взоръ обращается къ единому Утѣшителю всѣхъ Богу и изъ глубины вѣрующей

души исходитъ молитвенный вопль: „скажи ми, Господи, кончину мою и число дней моихъ кое есть“?

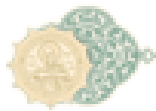
„Се гряду, яко тать (говоритъ Господь): блаженъ бдяй и бдѣй ризы своя, да не нагъ ходитъ, и узрѣть срамоту его“ (Ап. 16, 15). „Бдите убо яко, не вѣсте дне, ни часа, вонъже Сынъ Человѣческій придетъ“ (Мат. 25, 13).

Итакъ, каждый день и каждый часъ нашей жизни можетъ быть послѣднимъ ея днемъ и часомъ, днемъ и часомъ нашей кончины. Скажемъ, что указаніе опять неопредѣленное, что неизвѣстность остается неизвѣстностью? Нѣтъ, не будетъ этого. Предъ гробомъ, заключившимъ въ себя бранныя останки внезапно преставляющагося незабвеннаго учителя нашего—собрата во Христѣ, съ вѣрою внимая слову Божію, поразмыслимъ лучше о томъ, чѣмъ является смерть для истиннаго христіанина и тогда узнаемъ, не есть ли указаніе на каждый часъ, какъ часъ нашей будущей кончины, указаніе, вполне отвѣчающее христіанскому настроенію и христіанскому упованію.

Самымъ страшнымъ при мысли о переходѣ въ будущую жизнь намъ представляется отвѣтственность предъ Богомъ за всѣ грѣхы, содѣянные на землѣ. „*Лежитъ человекъ единою умрети, потомъ же судъ*“ (Евр. 9, 27), говоритъ слово Божіе; и предъ этимъ-то судомъ трепещетъ душа, отходящая въ вѣчность. Укрѣпить ее противъ страха правосудія Божія могутъ и должны только вѣра въ искупительныя заслуги Господа Іисуса Христа, сердечное покаяніе и твердая надежда на милосердіе Всевышняго. Кто въ теченіе всей своей жизни очами вѣры созерцаетъ искупительный подвигъ Сына Божія, непорочнаго Агнца, закланнаго за мірскій животъ и спасеніе, тотъ не боится осужденія, такъ какъ „*вѣрующій въ Сына Божія не будетъ осужденъ*“ (Іоан. 3, 18), а потому не боится и смерти, за которой, по слову Господа, ожидаетъ его вѣчная, блаженная

жизнь. „Вѣруй въ Мя, аще и умреть, оживетъ: и всякъ живой и вѣруй въ Мя, не умретъ во вѣки“ (Іоан. 11, 25—26). Сердечная живая вѣра въ Іисуса Христа Сына Божія у такого человѣка необходимо соединяется и съ жизнью по вѣрѣ. Вѣрующій въ спасеніе, „готовое открыться въ послѣднее время“ (2 Петр. 1, 5), непрестанно ревнуетъ о томъ, чтобы ходить предъ Господомъ преподобіемъ и правдою вся дни живота своего и потому, обогащая душу добрыми дѣлами, достойно приготовляетъ себя къ вѣчности. Неизбѣжны въ этомъ грѣшномъ мірѣ (Іоан. 5, 19) уклоненія отъ воли Божіей человѣка самоотверженно слѣдующаго за Христомъ не повергаегъ въ уныніе. Онъ вѣритъ въ благодѣль Божію, которая ведетъ его „на покаяніе“ (Рим. 2, 4) и съ вѣрою прибѣгаетъ къ этому богатному средству очищенія отъ сквернъ грѣховныхъ, примиренія съ правосудіемъ Божіимъ, оживленія въ себѣ надежды спасенія. А кто искренно и съ сокрушеніемъ сердечнымъ раскаивается въ своихъ прегрѣшеніяхъ, кто съ живою вѣрою и упованіемъ умоляетъ Господа о прощеніи и помилованіи, потомъ же старается загладить грѣхи свои новыми дѣлами вѣры и любви христіанской, тому отверсты двери милосердія Божія, тотъ съ свѣглою надеждою можетъ взирать сквозь сумракъ смерти въ отверзающуюся предъ нимъ вѣчность. Христіанская вѣра, христіанское покаяніе и христіанское упованіе, вотъ — надежный оплотъ души мятущейся страхомъ предъ ожидающимъ ее „судомъ смерти“ (Сир. 41, 5).

Еще внезапная, неожиданная кончина можетъ казаться намъ и кажется часто страшною потому, что лишаетъ насъ наслажденія благами настоящей жизни. Но для человѣка, живущаго со Христомъ, для избравшаго добровольно узкій и гѣсный путь слѣдованія заповѣдямъ евангельскимъ и этотъ страхъ не существуетъ. Какими бы совершенными благами земными и какъ бы умѣренно ихъ пользовался такой человѣкъ,

онъ знаетъ, и твердо вѣрить, что „вся суета человѣческая, елика не пребываютъ по смерти“. Что бы могъ пожалѣть онъ на землѣ? Богатство, славу, почетъ, спокойную жизнь среди любящихъ родныхъ, среди веселія и радости?... Но „какая житейская сладость пребываетъ печали непричастна“?... поетъ церковь надъ гробомъ усопшихъ. „Какая ли слава стоитъ на земли непреложна?... единымъ мгновениемъ и вся сія смерть пріемлетъ“. „Гдѣ есть мірское пристрастіе? гдѣ есть привременныхъ мечтаний? гдѣ есть золото и серебро?... вся персть, вся пепель, вся сѣнь“ (Самогласны. Чинъ погребенія) „Вмѣняю вся улемы быти, да Христа приобрящу“, можетъ сказать истинный христіанинъ съ Апостоломъ (Фил. 3, 8). Самымъ драгоценнымъ пріобрѣтеніемъ его (христіанина) на землѣ были добрыя дѣла вѣры и любви къ Богу и ближнему, за какія и обѣцано ему воскресеніе въ жизнь вѣчную (ср. Іоан. 8, 29). Но тѣмъ, кто, живя о Господѣ, о Господѣ и умираетъ, тѣмъ дѣла ихъ сопутствуютъ и въ загробный міръ. „Блажени мертвіи умирающіе о Господѣ, отнынь“, слышалъ гласъ съ неба Тайнозритель, „ей глаголетъ Духъ, да почиють отъ трудовъ своихъ; дѣла бо ихъ ходять въ слабѣ съ ними“ (Ап. 14, 13). Восходя же къ Богу вмѣстѣ съ другими дѣлами, душа получаетъ такіа блага небесныя, какія несказанно превышаютъ всѣ блага земли: „ниже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его“ (I Кор. 2, 9).

Итакъ, оградивъ себя вѣрою въ то, что „милость срящетъ творящихъ правду“ (Ис. 64, 5), христіанинъ—праведникъ встрѣчаетъ смерть съ спокойнымъ и яснымъ челомъ, съ тихою радостью и унованіемъ на Господа: для него смерть есть незамѣтный и желанный переходъ изъ одной жизни въ другую, отъ земного къ небесному, отъ временнаго къ вѣчному (ср. Фил. 1, 21—24, 2 кор. 5, 1—8, 8).

У него—одна забота, чтобы не оказаться только по смерти „нагимъ“ (ср. Ап. 16, 15; 2 кор. 5, 3), чтобы не лишиться „ризы спасенія и одежды веселія“ (Ис. 61, 10). А скоро ли или нѣтъ онъ долженъ оставить свою земную хранищу (ср. 2 Пет. 1, 14), когда именно вмѣстѣ со святыми, соблюдающими заповѣди Божіи и вѣру въ Иисуса, онъ почіетъ отъ трудовъ своихъ (ср. Ап. 14, 12—13), это—тайна Промысла Божія и для него нѣтъ нужды проникать въ нее. Непрерывно бодрствуя, ежечасно ожидая „со свѣтильникомъ вѣры и елеемъ добрыхъ дѣлъ“ пришествіе Небеснаго Жениха, онъ всегда готовъ выйти въ срѣтеніе Ему. И когда бы ни пришло это посѣщеніе Божіе, онъ съ радостною надеждою и христіанскимъ дерзновеніемъ всегда можетъ воскликнуть: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ: прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, егоже воздастъ ми Господь въ день онъ, праведный судія* (2 Тим 4, 7—7)... „Ей, гряди, Господи Иисусе“ (Апок. 22, 20). „Аще бо и поиду посредь сѣни смертныя, не боюся зла, яко Ты со мною еси“ (Ис. 22, 4).

Примѣръ христіанской жизни, христіанской вѣры и христіанскаго упованія подавалъ намъ почившій нашъ наставникъ. Всецѣло посвятивъ свой богато, одаренный умъ, многообразныя знанія и прекрасныя качества сердца и воли безкорыстному служенію богословской наукѣ, онъ по жизни былъ истиннымъ христіаниномъ-подвижникомъ, всегда предпочитавшимъ высшія, духовныя, вѣчныя блага скоропреходящимъ, временнымъ утѣхамъ земнымъ. Для него, какъ работника мысли въ области наукъ, касающихся своимъ содержаніемъ сокровеннѣйшихъ тайниковъ безсмертнаго духа человѣческаго, человѣческой совѣсти, тѣмъ болѣе не могло быть чуждымъ христіанское освѣщеніе вопросовъ о смерти, о мздовозданіи, о будущей загробной жизни. Вѣримъ, что, живя о Господѣ, какъ добрый воинъ Христовъ, онъ „о

Господѣ“ отошелъ и въ иной міръ, что велѣдъ за нимъ пошли и его дѣла христіанской вѣры, христіанской любви.

Братіе! Мы собрались отдать послѣдній долгъ почившему. Этотъ долгъ—молитва о немъ, которою, по ученію Церкви, душа усопшаго и за гробомъ оживляется, укрѣпляется въ вѣрѣ и упованіи на милосердіе Божіе. Вознесемъ же изъ глубины признательнаго сердца молитву къ Богу объ упокоеніи души повопреставленнаго профессора-христіанина, будемъ и всегда молиться, „да вчинить его Господь, идѣже свѣтъ животный“.

А если при этомъ гробъ мы вспомнили и о нашей кончинѣ, то взирая на таинство смерти, на примѣръ христіанской жизни почившаго, не станемъ испытывать неисповѣдимыя судьбы Господни. Съ полной покорностью воли Божіей, съ вѣрою и любовью пусть каждый изъ насъ скажетъ словами того же пророка: Надежда моя Ты, Господи! *„Онѣмъхъ и не отверзохъ устѣ моихъ, яко Ты сотворилъ еси“* (Ис. 38, 10, ср. 8). Аминь.

Студентъ IV курса *А. Чекановскій*.

Рѣчи

произнесенные надъ гробомъ при погребеніи профессора
Кіевской Духовной Академіи М. А. Олесницкаго.

I.

Возлюбленный о Христѣ братъ!

Ко многимъ всякаго рода скорбямъ, переживаемымъ нынѣ всѣми нами, присоединилась для нашей академической семьи еще скорбь особенная. Не стало, совершенно неожиданно среди насъ не стало дорогого всѣмъ намъ собрата, такъ долго и такъ самоотверженно потрудившагося для нашего расадника высшаго духовнаго просвѣщенія. Господь пріялъ душу нашего академическаго отшельника. Да, именно отшельника! Ты, возлюбленный о Христѣ братъ, и жилъ ученымъ отшельникомъ, и умеръ такимъ же ученымъ отшельникомъ. Никакихъ обычныхъ житейскихъ радостей, никакихъ обычныхъ житейскихъ утѣхъ и отдохновеній!... Всегда въ ученомъ кабинетѣ, всегда за книгою, всегда за письменною работою,—всегда въ трудѣ и подвигѣ,—вотъ твоя истинно самоотверженная жизнь. Когда рисуешь себѣ образъ истиннаго ученаго, то предносится именно эта жизнь,—тихая, скромная, уединенная, ничѣмъ постороннимъ и чуждымъ неразвлекаемая. Ты, возлюбленный собратъ, былъ не только

философомъ въ наукѣ, но и философомъ въ жизни, а такихъ людей вообще весьма мало. Тяжелъ подвигъ этого истинно ученаго отшельничества, но за то сколько самыхъ высокихъ радостей и наслажденій онъ приноситъ!... Что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть возвышеннѣе этого всегдашняго духовнаго творчества, духовнаго созерцанія, этой постоянной внутренней бесѣды души самой съ собою?

Истинные духовные отшельники вовсе не такъ одиноки, какъ представляется намъ съ перваго взгляда. Они имѣютъ множество друзей,—самыхъ вѣрныхъ, самыхъ крѣпкихъ, самыхъ надежныхъ. Почившій своими обширными писаніями утодилъ духовную жажду многихъ,—людей самаго различнаго возраста, званія, состоянія и положенія. Все это его вѣрные, неизмѣнные друзья, которые нынѣ, когда „оскудѣла“ жизнь его, „примутъ его въ вѣчные крѣпы“ (Лук. 16, 9). Вотъ тайна добраго подвига духовнаго отшельничества: быть почти всегда однимъ и въ то же время—быть со многими; никого почти не вѣдать и не знать и однако—быть многими знаемымъ и крѣпко любимымъ. По истинѣ объ этихъ людяхъ можно сказать: „мы неизвѣстны, но насъ узнаютъ; насъ почитаютъ умершими, но вотъ мы живы...; мы нищи, но многихъ обогащаемъ“ (2 Коринѣ. 6, 9, 10). И почившій нашъ собратъ многихъ обогатилъ благодаря своему неустанному научному труду. Онъ былъ выдающійся педагогъ, а еще болѣе видный христіанскій моралистъ. Своими трудами онъ внесъ свѣтъ въ самыя темныя области этики; всегда онъ старался придать этой наукѣ возможную полноту и жизненность, освободивши ее отъ мертваго, сковывающаго ее до сихъ поръ, схоластицизма. Его гомилетическое изданіе, которое онъ много лѣтъ несъ почти исключительно на себѣ самомъ, которое ему стоило огромнаго труда и постоянного напряженія и, несомнѣнно, сократило его жизнь, было особенно любимо потому, что въ немъ онъ будилъ проповѣдническую мысль, ставилъ твердо и ясно проповѣдническія

задачи, старался сдѣлать проповѣдническое слово живымъ отзвукомъ на современныя нужды и текущіе запросы дѣйствительности.

Примѣчательно, что никто такъ хорошо не знаетъ человѣческой жизни, человѣческой души во всѣхъ ея сокровенныхъ изгибахъ, какъ духовные отшельники; у нихъ именно нужно намъ учиться истинной психологіи. Они, такъ сказать, всегда сами съ собою, они отличаются необыкновенною духовною самособранностью, вниманіе ихъ ничѣмъ не развлекается и не разсѣивается, а потому ничто въ душевной жизни не ускользаетъ отъ ихъ испытующаго взора, и наблюденіе ихъ достигаетъ необыкновенной силы и удивительной остроты. И почившій нашъ дорогой собратъ своими учеными трудами ясно намъ показываетъ, что глубочайшее знаніе души человѣческой почерпается именно въ ея собственныхъ тайникахъ, а не на распутіяхъ міра, разсѣивающихъ только нашу мысль. Мы имѣли счастье быть слушателемъ почившаго и хорошо помнимъ тѣ глубоко-жизненныя психологическія наблюденія, которыя не одинъ разъ онъ намъ излагалъ; психологическій анализъ является у него главнымъ научнымъ орудіемъ. Вотъ опять тайна духовнаго отшельничества: меньше всего, повидимому, жить и наслаждаться жизнью, и больше всего знать человѣческую жизнь и человѣческую душу. „Насъ почитаютъ умершими, но вогъ мы живы“!

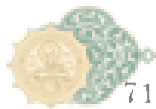
Въ высшей степени примѣчательно, что никто такъ не любитъ людей, никто такъ живо не откликается на ихъ радости и на ихъ скорби, какъ духовное отшельничество. И это вполне понятно: никто такъ не знаетъ нашей души, — нашихъ слабостей, недостатковъ, нашихъ паденій, какъ знаетъ оно... И почившій нашъ дорогой собратъ былъ человѣкомъ самымъ добрымъ, самымъ отзывчивымъ и сердечнымъ, — человѣкомъ душевнѣйшимъ. Съ виду угрюмъ и какъ бы хотодентъ, но загляните въ эту душу, въ эту нѣжную, кроткую душу! Какъ цвѣтокъ раскрывается подъ дѣйствіемъ солнеч-

наго луча, такъ эта душа всегда была открыта на дѣло христіанскаго милосердія, снисхожденія и любви. Откройтесь ей, распротрапитесь, и она живо откликнется, воздастъ вамъ сторицею, вы не тѣсно въ ней вмѣщаетесь.. Вотъ опять тайна отшельничества: жить внѣ міра, внѣ его обычнаго шума и суеты, и въ то же время безконечно любить людей, сострадать имъ, живо чувствовать всю сумму зла, надъ нами тяготящую и всячески уменьшать это зло, „Насъ почитаютъ умершими, но вотъ мы живы; мы нищі, но многихъ обогащаемъ“!

Почившій нашъ собратъ былъ человѣкъ безусловной честности, прямоты, неподкупныхъ убѣждений. Если кто всячески старался не согрѣшать своимъ языкомъ, то это онъ. Мало онъ говорилъ, но много дѣлалъ. Онъ говорилъ только тогда, когда нужно было говорить, и говорилъ то, что велѣлъ ему долгъ и совѣсть. Рѣдко кому изъ насъ жизнь улыбается, а у каждаго почти много горечи и страданій. И почившій немало пережилъ разнаго рода болѣзней и скорбей. Но вотъ опять тайна его уединенія: никогда онъ не унывалъ, никогда не падалъ духомъ, а всегда смотрѣлъ на христіанство, какъ на радость, твердо памятуя слово Апостола: „всегда радуйтесь“ (1 Солун. 5, 16). Это была радость кроткая, тихая, невѣдомая міру, какъ невѣдомы міру и слезы духовнаго отшельника... И мы живо представляемъ почившаго въ одномъ изъ наиболѣе любимыхъ имъ нашихъ храмовъ, у подножія креста Христова, со склоненною главою, предъ теплящеюся лампадою... Тутъ онъ почерпалъ силы для своего добраго жизненнаго подвига. „Насъ почитаютъ умершими, но вотъ мы живы“!

Прости, дорогой собратъ, что своимъ слабымъ словомъ мы осмѣлились нарушить твое обычное христіанское смиреніе и молчаливость, твою истинно-христіанскую кротость и тихость. Въ твоей жизни для насъ ясно открывается великій смыслъ и значеніе духовнаго ученаго отшельничества. Прости, если

столь часто мы, быть можетъ, тебя не понимали. Но ты насъ хорошо понималъ и вѣѣмъ намъ искренно прощалъ, и никого не осуждалъ, помня слова Апостола: „ты кто еси судий чуждему рабу? своему Господеву стоитъ или падаетъ“ (Римл. 14, 4). Въ своей жизни ты являешь намъ примѣръ добраго христіанина и самоотверженнаго служителя науки. Ты подвигомъ добрымъ подвизался, теченіе свое скончалъ, вѣру соблюлъ (2 Тим. 4, 7). Да водворится же душа твоя во благихъ! Да узритъ она лицемъ къ лицу Бога,—ту безусловную Истину, къ познанію которой ты такъ стремился всю свою жизнь! Да подастъ тебѣ Господь тотъ вѣнецъ жизни, который Онъ обѣщалъ любящимъ Его (Іак. 1, 12)!

Д. Богданевскій

II.

Незабвенный учитель, глубокочтимый собратъ!

Позволь еще разъ сказать тебѣ послѣднее „прости“, еще разъ выразить то, чѣмъ полна душа наша въ этотъ печальный часъ.

Съ чувствомъ тяжелой, искренней скорби собрались мы у твоего безвременнаго гроба. Невыразимой болью сжимается сердце, когда начинаешь сознавать, что уже нѣтъ тебя среди насъ,—нѣтъ тебя, котораго лишь нѣсколько дней тому назадъ мы видѣли въ крѣпости силъ и полнымъ свѣтлыхъ надеждъ... Конечно, первой причиной нашей скорби служить то, что мы потеряли въ тебѣ одного изъ членовъ нашей немногочисленной семьи, человѣка, воздѣлывавшаго одну съ нами ниву, родственнаго намъ по духу. Но эта скорбь о

близкомъ и родномъ усугубляется, когда въ мысляхъ своихъ начинаешь опредѣлять общественную цѣнность того, что взято безошадной смертью въ твоёмъ лицѣ. И вотъ, невольно встаетъ въ нашихъ воспоминаніяхъ твой симпатичный образъ, очищенный смертью отъ всего, что при жизни можно бросать на него какую-либо тѣнь.

Вспоминаешься ты, прежде всего, какъ учитель. Это было не мало лѣтъ тому назадъ. Ты былъ тогда въ расцвѣтѣ силъ и только что достигъ возраста мужа совершенна. Какое вниманіе умѣлъ ты возбуждать въ насъ, твоихъ тогдашнихъ ученикахъ! Съ какимъ сердечнымъ трепетомъ прислушивались мы къ твоему серьезному, живому, полному оригинальности слову! И безъ сомнѣній, если бы могли мы разобраться во внутреннемъ содержаніи своей души, то многое лучшее въ немъ оказалось бы принадлежащимъ тебѣ...

Вспоминаешься ты, далѣе, какъ общественный дѣятель.

Разные бываютъ общественные дѣятели. Одни изъ нихъ бросаются въ самый водоворотъ жизни и здѣсь ищутъ осуществленія своихъ идеаловъ. Ты былъ не изъ ихъ числа. Ты стоялъ въ сторонѣ отъ водоворота жизни и до конца дней своихъ не покидалъ уединенія твоего ученаго кабинета. Но этимъ не умаляются твои заслуги, какъ общественнаго дѣятеля. Какъ извѣстно, люди, стоящіе въ сторонѣ отъ жизни, нерѣдко бываютъ главными ея рычагами. Особенную цѣнность въ жизни именно имѣютъ тѣ идеи, которыя вырабатываются въ тиши кабинетовъ и которымъ такъ усердно служилъ ты. Ограничивъ для себя задачу жизни служеніемъ наукѣ, ты честно исполнялъ свой долгъ, и, не обинуясь, можешь сказать о себѣ апостольское слово: *подвигомъ добрымъ подвизахся*. Отъ школьной скамьи до гробовой доски ты работалъ на пользу науки, и самая смерть, говорятъ, застала тебя съ перомъ въ рукахъ. Такимъ образомъ, какъ добрый воинъ, ты отдалъ свое оружіе только вмѣстѣ съ

жизнью... Здѣсь, конечно, не время и не мѣсто дѣлать оцѣнку твоей научной дѣятельности. Но, безъ сомнѣнія, всѣ, знакомые съ нею, единогласно признають, что во всемъ, чѣмъ ты занимался, ты оставилъ замѣтный слѣдъ и своего крѣпкаго, недюжиннаго ума, и своего удивительнаго трудолюбія, и своей рѣдкой регулярности. Судьбѣ не угодно было цѣнтами усыпать твой ученый путь. Немало скорбей, тяжесть которыхъ хорошо вѣдома людямъ науки, выпало на твою долю... Но хвала тебѣ и честь, что эти скорби не угасили въ тебѣ духа, и до конца дней твоихъ не убили твоей любви къ наукѣ!

Не менѣе свѣтлымъ остается въ нашихъ воспомина-
ніяхъ и образъ тебя, какъ человѣка вообще.

Постоянныя ученныя занятія наложили особую печать на твой обликъ. Книги были твоими постоянными друзьями и въ послѣднее время онѣ почти замѣнили тебѣ человѣческое общество. Ты былъ, какъ отшельникъ, среди насъ... Естественно, что, удалясь отъ жизни, ты отсталъ отъ нея и, убѣленный сѣдинами, во многихъ отношеніяхъ былъ, какъ дитя. Но за то ты и не отдалъ жизни ея обычной дани; за то не наложила она на тебя того позорнаго клейма, которое налагаетъ на многихъ,—не примѣшала къ свѣтлымъ чертамъ твоей благородной личности своей лжи и нечистоты. До конца своихъ дней ты остался человѣкомъ, о которомъ можно сказать слова псалмопѣвца: *облаяй правду, глаголай истину въ сердце своемъ; иже не ульсти языкомъ своимъ, и не сотвори искреннему своему зла, и поношенія не пріятъ на ближнія своя... сребра своего не даде въ лихву, и мзды на невинныхъ не пріятъ* (Пс. XIV, 2—5)...

И вотъ, ты взятъ отъ насъ рукою ангела смерти,—взятъ въ такое время, когда пробуждающаяся отъ зимняго сна природа громкимъ голосомъ зоветъ все къ жизни, когда обновляющееся отечество наше особенно нуждается въ та-

кихъ честныхъ и усердныхъ труженикахъ, какимъ былъ ты. Невыразимо грустно!.. По нашимъ челоѣческимъ соображеніямъ, рано положенъ конецъ твоему дѣланію и въ полной крѣпости силъ сраженъ ты неумолимой смертію. Но мы вѣруемъ, что *отъ Господа стопы челоѣку исправляются*. Онъ, всевѣдущій, напелъ, что назначенное тебѣ въ мѣру силъ твоихъ исполнено тобой. Преклоняемся предъ неисповѣдимыми путями божественнаго промысленія.

Прими же, незабвенный учитель, чувства глубокой благодарности отъ твоихъ бывшихъ учениковъ, и чувства искренней скорби отъ твоихъ недавнихъ собратьевъ. Да упокоить тебя Господь въ томъ лучшемъ мірѣ, гдѣ нѣтъ печали и воздыханій, но царствуетъ безконечная жизнь.

Вл. Рыбинскій.

Ш.

Среди отъ отцовъ преданныхъ молитвъ и пѣснопѣній, представляющихъ собою богатый запасъ старыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчи оновыхъ переживаній далекаго прошлаго, неизмѣнно трогательныхъ, глубоко назидательныхъ, дайте мѣсто краткому слову о томъ, что пережито и переживается *теперь*, у гроба нашего товарища и учителя. То будетъ не слово суда надъ почившимъ: кто мы, чтобы судить своего брата, а не раба?! онъ—рабъ Божій, своему Господеви стоитъ или падаетъ, а потому и судъ надъ нимъ принадлежитъ Тому, Кто испытуетъ сердца и утробы.. Нѣтъ, мое слово будетъ словомъ любви и признательности.

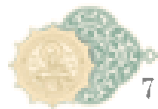
По складу ли своей личности, по обстоятельствамъ ли своей жизни почившій профессоръ былъ челоѣкомъ замкну-

тымъ: его внутреннїе переживанїя были скрыты отъ постороннихъ взоровъ, хотя бы то были взоры признательныхъ учениковъ и доброжелательныхъ сослуживцевъ. Личность покойнаго представлялась мнѣ подернутой какою-то дымкой, даже окутаною туманомъ. Время отъ времени туманъ разрывался, и тогда, сквозь образовавшіеся просвѣты, падали на насъ лучи свѣта и тепла, и озаренные этимъ свѣтомъ, пригрѣтые этой теплотой, мы чувствовали, что первоисточникъ озаряющаго насъ свѣта и согрѣвающаго насъ тепла—въ томъ немеркнущемъ Солнцѣ правды, поклоняться Которому мы научены еще въ раннемъ дѣтствѣ. Конечно, и душа почившаго, какъ и всякаго человѣка, носила на себѣ язвы прегрѣшеній, какъ здоровое по вѣншему виду тѣло—зардышъ болѣзни, сведшей его въ могилу, но это не мѣшало этой душѣ быть тою призмой, черезъ которую прелмлялось сіаніе чистѣйшаго, невечернаго Свѣта: Господи, лочившїй нашъ собратьи быть образомъ Твоея неизреченныя славы, аще—по человѣчеству—и язвы носи прегрѣшеній...

Передъ моимъ взоромъ проходятъ сейчасъ тѣ моменты, когда и для моего созерцанія открывались тѣ духовныя сокровища, которыя хранились въ душѣ почившаго. Еще въ годы ранней юности заботливая рука тоже уже отшедшаго въ иной мїръ отца—воспитателя и друга—раскрыла передо мной страницы научно-богословскихъ и церковно-назидательныхъ твореній почившаго учителя, а живые рассказы старшихъ земляковъ нарисовали его оригинальный образъ. Пока еще далекій, онъ уже влекъ меня къ себѣ. Скоро я сдѣлался ученикомъ почившаго профессора. Онъ намъ читалъ курсы христіанскаго ученія о нравственности. Не скажу, чтобы намъ легко давалось усвоеніе этого курса: оно требовало отъ насъ большого напряженія умственныхъ силъ, но затрата силъ не пропала даромъ: въ нашемъ сознаніи открывалось значеніе одной изъ самыхъ глубокихъ и—скажу словами почившаго—объемистыхъ идей—идеи *царства Божїя*,

въ созиданіи котораго заключается смыслъ не человѣческой только,—и міровой жизни. Всѣ мы—призванные Богомъ Его соработники въ дѣлѣ устроенія царства Божія. Наша задача состоитъ „въ томъ, чтобы правильнымъ образомъ сочетать въ гармоническое цѣлое достигнутую нашимъ поколѣніемъ культуру и христіанство, чтобы сдѣлать послѣднее душою первой“ (слова М. А. Олесницкаго). Всѣ наши отношенія—семейныя, общественныя, государственныя, всѣ проявленія культурной жизни—хозяйство, искусство, наука—должны проникнуться духомъ Христовымъ. Такова задача. Она не выйдетъ изъ области добрыхъ пожеланій, если основнымъ закономъ *нашей* жизни не станетъ любовь, положенная Богомъ, Который есть любовь, въ основу *міровой* жизни, какъ начало соединяющее разнообразныя элементы жизни и тѣмъ самымъ созидающее жизнь. Къ сожалѣнію, мы, люди, забываемъ и даже попираемъ это начало жизни, и тѣмъ самымъ служимъ не ея созиданію, а ея разрушенію. Самая любовь получила у насъ извращенный характеръ. Задача христіанства уяснить и ввести въ жизнь забытое, поправное начало жизни... Раскрывая эти мысли, покойный учитель призывалъ насъ къ тому, чтобы мы „высоко держали знамя идеализма, какъ сигналъ истинной гуманности, хотя бы волны обольщающаго эмпиризма высоко поднимались и сильно на насъ налегали“. Въмѣстѣ въ тѣмъ онъ внушительно предостерегалъ насъ отъ того порока, который съ трудомъ поддается излѣченію: это фарисейство, или религіозное лицемеріе. „Если откроете“ въ своемъ питомцѣ „скептика,—говорилъ онъ словами одного педагога,—то не пугайтесь: отъ сомнѣнія онъ можетъ перейти къ истинѣ, но если откроете въ немъ лицемеръ, то страшитесь и спѣшите спасти его, пока не поздно“. Да, это были внушительные уроки! Какъ было бы хорошо, если бы они перешли въ жизнь!..

Впослѣдствіи совмѣстная служба съ почившимъ учителемъ дополняла его образъ новыми чертами, которыя, гар-

монически объединяясь уже съ знакомыми чертами, усиливали впечатлѣніе отъ образа. Какой это былъ добросовѣстный профессор! ни годы, ни невзгоды не ослабляли его преподавательской энергіи, которая справедливо бывала предметомъ удивленія для его болѣе молодыхъ и, казалось бы, болѣе энергичныхъ сослуживцевъ. Да будетъ она для нихъ и предметомъ подражанія! У покойнаго учителя есть чему поучиться... Какой это былъ неутомимый изслѣдователь! Книги были его стихіей. Кажется, онъ бесѣдовалъ съ ними и чаще, и охотнѣе, нежели съ людьми. Онъ и умеръ среди книгъ. За то и послѣ смерти будетъ жить въ своихъ книгахъ... При всемъ томъ онъ былъ слишкомъ далекъ отъ мизантропіи. Нѣтъ, это былъ человекъ чрезвычайно доброжелательный и миролюбивый. Онъ умѣлъ быть въ мирѣ и съ тѣми, съ кѣмъ ему, по человѣческимъ отношеніямъ, приходилось сталкиваться. Онъ былъ скупъ на слова. Вслѣдствіе этого рѣдко можно было услышать отъ него похвалу, но за то никогда не срывалось съ его языка льстивое слово: онъ былъ органически не способенъ къ лести. Мало того, — обычныя въ житейскомъ быту комплиментарныя выраженія рѣшительно не уживались съ правдивымъ языкомъ почившаго, въ равной мѣрѣ были чужды ему грубость и несдержанность въ выраженіяхъ. Да, онъ умѣлъ владѣть своимъ языкомъ! А сколько терпѣнія проявлялъ онъ, выслушивая студенческіе отвѣты на экзаменахъ!.. Вѣрный себѣ, онъ рѣдко показывался въ тѣхъ храмахъ, гдѣ могъ встрѣтиться съ знающими его людьми. Тѣмъ трогательнѣе было порою видать его внушительную, неизмѣнно скромную фигуру, въ самой скромной одеждѣ, среди богомольцевъ, собравшихся въ Михайловскомъ монастырѣ у мощей Великомученицы.

Такъ, штрихъ за штрихомъ, ложились на душу разнообразныя впечатлѣнія, шедшія отъ этой замкнутой личности, и дѣлали свое дѣло: туманный обликъ нѣсколько прояснялся

и дѣлался ближе, знакомѣе... Дѣлали и сдѣлали,—сдѣлали то, что когда дошла до насъ—говорю до насъ, потому что вѣрю, потому что знаю, что то же самое пережили многіе изъ окружающихъ этотъ гробъ—когда дошла до насъ неожиданная вѣсть о кончинѣ нашего товарища и учителя, мы были не просто поражены этой вѣстью, раздавшейся словно громъ среди яснаго дня; нѣтъ, мы пережили чувство сердечной боли, мы почувствовали, что этотъ далекий огъ насъ человекъ былъ близкимъ намъ человекомъ, и съ этою болью—болью любящаго сердца—мы пришли къ его браннымъ останкамъ и окружили его гробъ. И когда снова и снова раздадутся слова, призывающія насъ къ молитвѣ объ упокоеніи новопреставленнаго раба Божія Маркеллина, они прозвучатъ въ атмосферѣ, пропитанной любовью, найдутъ живой откликъ въ нашихъ сердцахъ, и отъ сердца нашей братской любви понесется къ престолу божественной любви молитва о томъ да встрѣтитъ Христосъ съ любовію своего раба, всю свою жизнь убѣжденно учившаго о любви, какъ началъ жизни. Такъ, грозное, мрачное таинство смерти, разрушающее и рѣзняющее, дивнымъ образомъ соединяется съ свѣтлымъ, животворнымъ таинствомъ любви, единящей и созидающей, и не чувствуется ли вамъ, братіе, въ этомъ дивномъ сочетаніи залогъ безсмертія, торжества правды, наступленія царства Божія, къ созиданію котораго призывать насъ почившій?

Господи! да пріидетъ царствіе Твое!

Господи! призири на призывавшаго насъ къ устроенію Твоего царства раба Твоего и помилуй его по суду любящихъ имя Твое!

П. Кудрявцевъ.

IV.

Пройдетъ еще часть, и земля приметъ въ свои объятія того, кто собралъ насъ сюда теперь, христіане! Не увидимъ мы больше его взора, не услышимъ рѣчей его, остается сказать послѣднее „прости“. Онъ, усопшій паставникъ нашъ, предметъ нашихъ мыслей и разговоровъ, чувствъ и молитвъ; нынѣ мы живемъ думами о немъ. Ужели же тогда, когда закроется гробовая крышка, и тяжелымъ пластомъ ляжетъ на нее земля, мы изгонимъ его образъ изъ нашихъ сердецъ и запремъ ихъ отъ него на вѣки? Нынѣ мы дѣлимся своими впечатлѣніями по поводу постигшей всѣхъ насъ утраты, изливаемъ чувства наши въ общей молитвѣ. Этимъ облегчается горестъ наша. Что-же? Разсказавъ о своемъ горѣ другимъ и израсходовавъ этимъ свое настроеніе, забудемъ ли мы своего любимаго учителя? Увы, слабое, нетерпѣливое человѣческое сердце склонно къ забвенію и погребенію даже такихъ чувствъ, которыя были иѣкогда могущественнѣйшими. поистинѣ, оно подобно рѣкѣ, въ которой безпрестанно струятся воды, и притомъ все новыя, новыя воды. А усопшій проситъ насъ изъ своей тѣсной кельи, чтобы мы не прерывали съ нимъ духовнаго общенія, не забывали бы его; онъ желаетъ, чтобы въ сердцахъ своемъ мы и для него отвели мѣсто, чтобы тамъ жилъ его образъ и чтобы мы, взирая на него въ воспоминаніи, обращались съ молитвою за него къ Господу. Склонимся же къ его послѣдней мольбѣ и да живетъ его образъ въ сердцахъ нашемъ, въ молитвахъ нашихъ!

Въ лицѣ тебя, дорогой нашъ учитель, не только наша академическая семья, а и вся вообще русская богословская наука понесла трудно вознаградимую потерю. Ты вѣдь всѣмъ сердцемъ любилъ избранную тобою науку, ей ты отдался всецѣло. Твоя возвышенно безкорыстная, неустанная дѣятельность всего прежде состояла въ разработкѣ богословскихъ вопросовъ. Ты держалъ знамя этой науки въ такое время,

когда кругомъ царило направленіе, крайне враждебное не только богословію, а и фундаменту его—христіанской религіи. Человѣческій интересъ привлекли къ себѣ почти всецѣло науки естественныя съ символомъ вѣры ихъ—эволюціонной теоріей. Богословію отводили послѣднее мѣсто въ ряду научныхъ дисциплинъ, даже прямо отрицали научное значеніе богословія, видя въ немъ простое удовлетвореніе внѣдрившейся въ плоть и кровь человѣческую „метафизической потребности“ .. А ты стоялъ въ это время на свѣщницѣ въ храмѣ богословской науки, и отъ тебя скорѣе, чѣмъ отъ другихъ, должны были ждать отвѣта и наставленія колеблющіяся. Вотъ гдѣ причина твоей неутомимости, твоей беззаветной преданности наукѣ. На долю твою, какъ профессора богословія нравственнаго, выпало еще одно попеченіе. Ты съ любовью изучалъ эту отрасль богословія, занимающуюся нравственно-христіанскими проблемами и тогда, когда на Западѣ возникъ ужасный призракъ сверхъ-человѣка. Сверхъ-человѣкъ съ ненавистью и дерзостью сталъ отрицать и осмѣивать мораль христіанскую. Раздались зловѣщія рѣчи о томъ, что все, доселѣ цѣнимое и боготворимое человѣчествомъ, должно быть отвергнуто, какъ старая, трухлявая вещь, что христіанскія добродѣтели—рычаги къ вырожденію человѣческаго типа, а тѣ качества, которыхъ христіанство поведѣваетъ остерегаться и бѣгать—самые желательныя атрибуты свободной личности... Что долженъ былъ переживать ты при всѣхъ этихъ разглагольствіяхъ. Ты преклонялся предъ небесно-пресвѣтлымъ величіемъ Богочеловѣка и видѣлъ въ Немъ идеаль всякаго человѣка, ты шѣнялся высотой Его нравственнаго ученія, превосходствомъ его предъ моральными системами культурныхъ язычниковъ, ты понималъ и указывалъ дивное соотвѣтствіе этого закона съ природными человѣческими потребностями. Могъ-ли ты пребывать равнодушнымъ по отношенію къ нападкамъ на то, чему ты служилъ, что любилъ, чему посвятилъ все вниманіе свое, все время свое,

весь трудъ свой? Но отрицательныя идеи не разрушили твоей вѣры въ достоинство науки, ты не отбросилъ ее, какъ разбитаго другими кумира, нѣтъ ты продолжалъ любить ее и давалъ новые плоды трудовъ своихъ. И потому ты заслужилъ широкую извѣстность профессора и признательность, какъ выдающийся ученый и рѣдкій труженикъ.

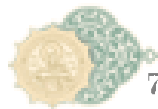
Прими же отъ насъ, незабвенный насадитель въ насъ прекрасныхъ, возвышенныхъ мыслей, это, хоть и незначительное, благодарное слово. Но мы почитаемъ и нравственный обликъ твой, высокій идеализмъ души твоей трогаетъ наше сердце!

Слушатели и товарищи! Усопшій наставникъ нашъ глубоко любилъ человѣческую личность и вообще человѣка. Памятникъ, который оставилъ онъ по себѣ въ видѣ ученыхъ трудовъ своихъ, неприкровенно свидѣлствуетъ объ этомъ. И доколѣ будутъ существовать библіотеки—эти собранія невидимыхъ людей, онъ будетъ членомъ этихъ собраний, какъ человѣкъ, нѣжно возлюбившій подобныхъ себѣ. Когда онъ вступалъ въ жизнь, и она развертывалась предъ нимъ во всей широтѣ, со всѣмъ неисчислимымъ богатствомъ путей своихъ, онъ—юноша, какъ и мы теперь, навѣрное, долго бесѣдовалъ съ самимъ собою и спрашивалъ себя: какому дѣлу отдаться, какую науку возлюбить больше другихъ? Ихъ такъ много и почти каждая изъ нихъ такъ привлекательна. И навѣрное онъ рѣшилъ, что гдѣ идетъ рѣчь о дѣлѣ цѣлой жизни, путеводителемъ и рѣшителемъ вопроса можетъ быть лишь внутренній голосъ призванія, свободное влеченіе собственнаго сердца. И онъ свободно, безъ давленія внѣшнихъ условій рѣшился посвятить свою жизнь наукѣ, изучающей нравственнаго человѣка. Въ этомъ актѣ и сказалась его любовь къ человѣку. Истину содержитъ изреченіе: „скажи, какими ты отраслями науки интересуешься, и я скажу, что ты за человѣкъ“. Интересъ къ чему-нибудь непреложно выдаетъ человѣка, освѣщаетъ его нравственный

обликъ, выясняетъ коренной характеръ его сущности. Чѣмъ интересуешься, то вмѣстѣ и любишь, ибо чѣмъ инымъ характеризуется интересъ какъ не желаніемъ всегдашняго общенія съ предметомъ, какъ не постоянной привязанностью къ нему. И если съ этой стороны писателя-художника можно назвать человѣколюбомъ за его уваженіе къ душѣ человѣческой, ибо онъ съ одинаковымъ безпристрастіемъ чеканитъ какъ положительныя, такъ и отрицательныя типы, стараясь понять ихъ во всей глубинѣ, безъ всякаго привнесенія субъективныхъ чувствъ, могущихъ помѣшать разумнѣю, то и ученаго, который съ такимъ же вниманіемъ слѣдитъ за движеніями человѣческой души, можно съ полнымъ правомъ назвать тѣмъ же высокимъ именемъ. Вѣдь онъ все время посвящаетъ размышленіямъ о человѣческой душѣ, въ этомъ онъ видитъ содержаніе, и смыслъ, и всю красоту своей жизни, — ужели онъ мало ее любитъ. О, лѣтъ!

Такимъ былъ ты, нашъ дорогой учитель. Ты изучалъ нравственное богословіе, педагогику и психологію. Изучая первое, ты созерцалъ всю человѣческую душу въ разнообразныхъ отношеніяхъ ея къ другимъ личностямъ. То видѣлъ ты въ ней благодатныя корни добродѣтелей, видѣлъ лучи милосердія, правды и смиренія, истекающіе изъ человѣческаго сердца на окружающихъ; то взоръ твой останавливался на самыхъ добродѣтеляхъ души и ты ощущалъ райскій ароматъ ихъ. Но приходилось тебѣ видѣть и болѣзни и слабости души, явившейся съ надломленными грѣхомъ силами, ты видѣлъ трагическій разладъ въ душѣ, отъ котораго, какъ бы изъ какой трещины, поднимались гибельныя и убійственныя испаренія—грѣхи, пороки и страсти. Видѣлъ ты душу—эту бѣдную владычицу тѣла какъ бы полемъ борьбы зла и добра, свѣта и ада. Такимъ образомъ, ты созерцалъ душу человѣческую во всей ея полнотѣ и глубинѣ. Ты не былъ любопытнымъ диллетантомъ, которому доступно лишь

выдающееся и рельефное, нѣтъ, ты проникалъ въ самые отдаленные и недоступные для поверхностнаго взгляда лабиринты души и съ любовію изучалъ ихъ, являя здѣсь свое терпѣніе и природную любовь къ человѣческой душѣ. И можетъ быть эта любовь сберегла въ тебѣ яркій свѣточъ вѣры въ науку, надъ которой кругомъ раздавались издѣвательства... Твоя любовь къ педагогикѣ—другой свидѣтель твоей любви къ человѣку. О математикахъ говорятъ, что они занимаются своей наукой въ силу природнаго влеченія къ точности и опредѣленности. А о тебѣ скажемъ, что ты полюбилъ педагогику за то, что она говоритъ о дѣтяхъ, которыя были тебѣ любезны. И ты былъ педагогомъ. А можно ли быть имъ, если не любить дитяти; лишь любовь усматриваетъ то, что недоступно для равнодушія, лишь она вникаетъ въ самую глубь духа и стремится водворить здѣсь гармонію, порядокъ, миръ, благополучіе, лишь она отводитъ нитомца отъ пропасти, куда склоняютъ его влеченія и страсти его. Третій свидѣтель той же любви твоей къ человѣку—любовь твоя къ психологіи. Здѣсь ты былъ безпристрастнымъ и безкорыстнымъ наблюдателемъ духовной жизни... Могутъ забыться отдѣльные факты, характеризующіе тебя, какъ человѣка, но труды твои будутъ оставаться, и по нимъ можно будетъ всегда представлять твой образъ, какъ по іероглифамъ воспроизводить жизнь давно погибшихъ народовъ. Ты любилъ человѣка, и всякій, кто будетъ читать труды твои, скажетъ: „онъ любилъ человѣка“. Вѣдь въ дружбѣ съ чисто человѣческимъ—съ мыслями, съ чувствами, влеченіями, желаніями, страстями, характерами, темпераментами, добродѣтелями, привычками—провелъ ты всю жизнь свою.

Нынѣ ты покинулъ юдоль плача и скорби, нынѣ духъ твой, предводимый небожителемъ, предстанетъ ко Господу. Да обрѣтетъ онъ тамъ успокоеніе и отраду, да препояшется онъ миромъ и невозмутимостью!.. Но пусть и отъ земли

долетить до тебя это малое слово благодарного ученика твоего. Аминь.

Студентъ II-го курса И. Трибунъ.

V.

*Миръ праху твоему, нашъ
приснопамятный наставникъ!*

Да будетъ позволено и намъ, юнѣйшимъ представителямъ этого богословскаго вертограда, твоимъ, къ великому прискорбію, послѣднимъ ученикамъ приблизиться къ гробу и сказать послѣднее „прости“... Конечно, и намъ бы хотѣлось здѣсь, у гроба, начертать твой свѣтлый образъ, чтобы запечатлѣть его достойныя памяти черты, но твоя богато одаренная отъ природы личность, съ одной стороны, и наши слабыя еще дѣтскія, сравнительно съ тобой, уста, съ другой, не даютъ намъ полной возможности ориентироваться во всемъ, что касается этой личности и нарисовать твой портретъ такъ, какъ онъ извѣстенъ большинству, и мы... не будемъ. Мы только просимъ тебя, чтобы ты изъ гроба позволилъ намъ, тѣсно сомкнувшейся семьѣ первокурсниковъ здѣсь, у гроба, излить тебѣ наши чувства горячей признательности и благодарности за все, что мы слышали отъ тебя. Сознаемся, что не разъ мы и ранѣе помышляли объ этой благодарности, но твоя скромность заграждала наши уста и что же дѣлать, если первая торжественная хвала твоихъ заслугъ есть хвала надгробная?! Прими и ее! Но воздавая тебѣ должное, плетя тебѣ словесный вѣнокъ, мы обратимся за приличными украшеніями не къ міру, не знавшему чести въ твоихъ трудахъ, а къ самой, родной тебѣ, Академіи, не иначе какъ съ этого алтаря

богословскаго вѣдѣнія возьмемъ цвѣты тебѣ на могилу — выйдемъ изъ Египта отдать Іакову подобающую честь!..

Тихо ты жилъ между нами и разливалъ свѣтъ вѣры и любви, тихо и неожиданно покинулъ насъ, какъ бы выйдя отъ насъ въ другую комнату; спокойно преддежишь нынѣ во гробѣ и невольно заставляешь насъ взглянуть, не осталось ли чего-нибудь намъ отъ тебя на память въ твоей первой клѣти бытія --прошедшей твоей жизни. И вы, мудрые старцы—свидѣтели первыхъ шаговъ служенія въ Академіи усопшаго и наши старшіе товарищи, простите, что наше слово не можетъ быть такъ подробно, какъ ваше, мы, только что вступившіе въ родную почившему Академію, и многое, по нашей понятной близорукости, можетъ быть, оставимъ въ тѣни, многого мы не примѣтимъ. Но однакожъ вотъ что мы успѣли замѣтить въ почившемъ. Это былъ неутомимый труженикъ въ томъ званіи, съ которымъ едва ли можетъ равняться еще другое какое, соединяющій въ одно и то же время не только скромность, достопочтенность, непритязательность, но и широкое, непреходящее никогда значеніе. Это былъ человѣкъ, который умѣлъ дать жизнь наукамъ, въ самоотверженныхъ трудахъ надъ которыми ему пришлось пройти весь свой жизненный путь.

И мы не погрѣшимъ, если скажемъ, что въ лицѣ почившаго громадную незамѣнимую потерю понесла не только наша Академія, но и вся русская, православно-богословская наука.

Недаромъ, когда стоимъ у этого гроба, предъ нами невольно встаетъ образъ Маркеллина Алексѣевича, полный какого-то торжественнаго величія и невольно вызываетъ въ нашемъ сознаніи другіе великіе образы Голубинскихъ, Горскихъ, Кудрявцевыхъ, Гусевыхъ, съ которыми наше внутреннее чувство невольно роднитъ и его.

Намъ навсегда будутъ памятны его труды въ области великой христіанской этики. Въ нихъ нѣтъ той сухости и

отвлеченности изложенія, которыя занугибають читатели и ученика. Они говорятъ челоѣку живымъ, близкимъ его сердцу языкомъ, привлекають къ себѣ глубиною чисто-библейскихъ образовъ, поражаютъ величественностью сравненій и параллелей. Мы невольно поражаемся и тѣмъ, что почившій никогда не боялся свободнаго мнѣнія, никогда не былъ рабомъ чужого, всюду любилъ вносить въ изученіе предмета свой личный талантъ, собственный, поразительный и мѣткій, но оригинальный взглядъ. Если о комъ, то именно о почившемъ Маркеллинѣ Алексѣевичѣ, можно сказать, товарищи, что онъ *испытывалъ писанія* (Іоан. V, 39) и *добраго держался* (1 Сол. V, 21), ибо такъ понималъ свою задачу. Намъ извѣстно, что его перо продолжало до самой смерти неустанно работать, изыскивать новыя обоснованія и разъясненія великой системѣ христіанскаго нравоученія. Отъ цѣлыхъ, по-истинѣ, гирляндъ блестящихъ статей по христіанской этикѣ покойнаго, нашъ взоръ невольно останавливается и на той наукѣ, которую онъ преподавалъ въ нашей Академіи въ послѣдніе свои дни: на ряду съ освѣщеніемъ у себя, въ кабинетѣ, вопросовъ въ области великаго нравственнаго ученія Богочеловѣка почившій взялъ на себя трудъ читать въ аудиторіи науку, преслѣдующую важнѣйшую задачу познанія — изслѣдовать духовный составъ самого познающаго. При современномъ направленіи мятущейся и нерѣдко уклоняющейся въ истинномъ пути мысли въ области этой науки, онъ успѣлъ остаться *мужемъ мудрымъ*, сохраняя цѣльность своего христіанскаго міровоззрѣнія; мы не видимъ здѣсь какой-либо измѣны кореннымъ, выразившимся въ трудахъ по христіанской нравственности, его убѣжденіямъ, доступности его какимъ-либо компромиссамъ и колебаніямъ. И здѣсь, въ изученіи челоѣческой души со всѣми всевозможными, какъ мы сказали, перипетіями въ современномъ его положеніи, онъ не отрѣшилъ своей мысли отъ глубокой, психологически-вѣрной Тертуліановской третаціи челоѣческаго духа — онъ по при-

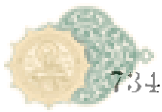
родѣ христіанинѣ, отсюда почерпая ученый матеріалъ при систематизаціи и экзегетикѣ душевныхъ явленій. Хотя большая часть жизни его и протекла надъ разработкой сложной системы Богооткровеннаго нравственнаго ученія христіанства, но, предъ гробомъ стоя, мы не можемъ не сказать, что у покойнаго было глубокое пониманіе и своего новаго чисто-философскаго предмета (психологіи). Онъ и здѣсь, вѣрный себѣ, не сушилъ, не мертвилъ своего предмета, но перелагая на языкъ науки, шелъ съ нимъ, т. е. предметомъ, какъ бы въ центръ общественнаго теченія, отбрасывая все то, что было нечестнымъ исканіемъ истины въ этой важнѣйшей отрасли человѣческаго знанія, оставлялъ позади себя всѣ знаменитыя въ наши дни тенденціи спиритуалистическаго и матеріалистическаго монизмовъ. Рѣдкій даръ представить своему слушателю сложное психическое явленіе такъ, какъ оно есть, по Маркеллинъ Алексѣевичъ имѣлъ его. Первый курсъ! Кто изъ насъ, внимательно слушавшихъ его лекціи, не находилъ ихъ интересными и содержательными, научно, полно и картинно отображавшими содержаніе или характеръ (тонъ) явленій человѣческаго духа? Кто изъ насъ можетъ позабыть искусство покойнаго наставника мѣтко и живо охарактеризовать то или другое явленіе человѣческой души, всю его, такъ сказать, фізіономію, всю суть однимъ словомъ, однимъ эпитетомъ, врѣзывающимся въ памяти чертами наглядности.

Любя науку, самоотверженно служа ей, онъ, правда, казался намъ какъ бы суровымъ, слишкомъ строгимъ и требовательнымъ, но мы твердо убѣждены, что онъ не былъ такимъ—подъ покровомъ виѣшней суровости въ немъ таилась сердечная мягкость и самая теплая гуманность, можетъ быть, умѣвшая дѣлать его снисходительными и самыя суровыя требованія справедливости и безстрастія. Онъ былъ строгъ самъ къ себѣ, и непреклонность, замѣчательная послѣдовательность и цѣльность убѣжденій—лучшее свидѣтельство тому.

Вотъ и все, что мы, младшіе ученики нашей св. *almae matris* и послѣдніе ученики Маркеллина Алексѣевича, хотѣли принести къ нему на гробъ. Конечно, чувствуется, что слабый и не пышный этотъ вѣнокъ, дорогой нашъ наставникъ, на твой гробъ, но прими и его! Знай, что онъ любовью и уваженіемъ сплетенъ! Да и глубокое неожиданное чувство жалости, безконечной жалости, что жизнь твоя закатилась такъ рано, когда ты еще многое обѣщалъ сдѣлать впереди въ области изучаемыхъ тобою предметовъ, когда, окончивъ столь удручающій тебя трудъ, по богословію христіанской этики, ты только что получилъ видимое торжественное признание величія и цѣнности этого труда, не позволяетъ намъ говорить красиво и много: не поются веселыя и красивыя пѣсни Сіона при умирительномъ зрѣлищѣ погребенія, когда еще мало, мало, и отверстая могила приметъ тебя въ свои холодныя объятія!...

Да, съ ранняго утра, приснопамятный наставникъ, ты вышелъ на дѣланіе свое, неустанно трудился ты, но дневной трудъ, зной печали и разочарованій надломили, истощили твои силы, истощили тебя даже до смерти. Намъ жаль, жаль безконечно тебя, но мы утѣшаемся, что сладкое сознаніе исполняемаго честно долга должно быть высокою радостью наполнить твое многострадальное сердце, подвижникъ науки, мы утѣшаемся тѣми великими завѣтами, которые ты оставилъ намъ.

Братья-товарищи! простите, если у этого дорогого гроба въ заключеніе своего слова я беру смѣлость сказать: *се намъ вѣра и вѣрность, се долгъ и служеніе правды!* Мы еще не знаемъ жизни, мы теперь находимся какъ бы въ обширномъ полѣ, усеянномъ одними роскошными цвѣтами, но нельзя думать—объ этомъ говорятъ намъ мужи зрѣлости и опыта— что такую „милою прогулкою по Божьему свѣту“ будетъ продолжаться и вся наша жизнь: никто не можетъ поручиться, что совершенно не настанетъ время, когда, идя

по свѣтлой жизнерадостной тропѣ, мы вдругъ натолкнемся на дремучій лѣсъ. жалкихъ скептицизма и отчаянія, козлищій долга совѣсти и общественнаго мнѣнія, страстей, привычекъ и разума. Пусть же въ эти трудныя минуты будетъ стоять предъ нами обаятельная личность почившаго нашего профессора: мы, припоминая его, будемъ серьезными тружениками на нивѣ высшаго богословскаго просвѣщенія, а теперь... приблизимся къ гробу и, благоговѣйно опустившись на колѣна предъ останками нашего наставника, молитвенно скажемъ: путь странствія твоего, на которомъ такъ часто раздавался твой голосъ, конченъ, время испытаній, которыми тебя надѣляла твоя жизнь, миновало, но не умретъ память о тебѣ, нашъ добрый профессоръ! Порадуйся духомъ изъ твоего гроба: академическая семья вся около тебя, она провожаетъ тебя и даетъ священные обѣщанія не забывать тебя, помнить твои завѣты и молиться за тебя. Молись же за насъ и ты въ обителяхъ Невечернаго Свѣта, куда ты такъ неожиданно перешелъ отъ насъ, не забывай насъ, учи и оттуда поддерживая въ насъ благородство стремленій, возбуждая любовь къ труду и готовность честно и благородно служить въ томъ званіи, въ которое каждый изъ насъ будетъ призванъ. Аминь

Студентъ 1 курса *Н. Фетисовъ*.